

РОСБАЛТ

информационное агентство Россия,

Санкт-Петербург

Документ:

<http://www.rosbalt.ru/2010/07/07/751706.html>

Дата: 2010-07-07 17:51:00+04

За гранью немецкого правосудия

Русским женщинам стоит подумать, прежде чем ехать в Германию и заводить там семью. Муж может оказаться нелегалом из исламской республики, который после долгих лет побоев захочет отнять ребенка. А немецкое правосудие встанет на его сторону — ибо закон слеп, особенно по отношению к выходцам из России.

На закрытом заседании Кассельского городского суда в Германии 22 марта 2010 года было принято постановление о лишении материнских прав 38-летней Лилии Ванзидлер. Ее пятилетнего сына Самира должны передать на воспитание отцу, гражданину Пакистана Амиджаду Али. Основание: мать препятствует общению ребенка с отцом. Лилия подала кассационную жалобу. Суд второй инстанции назначен на 8 июля.

Казалось бы, до окончательного решения ей рано беспокоиться. Однако согласно параграфу 40 Закона о судопроизводстве по семейному праву решение суда может быть выполнено сразу же по извещении о нем участников процесса. Это значит, что ребенка чуть ли не в зале суда могут передать отцу – по крайней мере, до решения следующих судебных инстанций.

Одиннадцать лет назад, когда Лиля приехала в Германию, перспективы на дальнейшую жизнь выглядели прекрасно. Диплом библиографа в кармане, за спиной – всего двадцать семь лет жизни. Статус поздней переселенки дал право на получение немецкого гражданства сразу же. Сохранилось и второе, то есть изначальное гражданство – российское. Оставалось только подтвердить диплом и выучить язык. Правда, диплом Казанского университета не был подтвержден, потому и найти работу по специальности, несмотря на все усилия, не удалось.

Зато Лиля встретила человека, с которым она была готова связать свою жизнь. Они поселились вместе. Родился сын. И вдруг возлюбленный Лили оказался... в депортационной тюрьме. Дело в том, что Амиджад –

гражданин Пакистана, а в Германии, по всей видимости, находился нелегально.

Лиля хотела сохранить то, что считала семьей. Она сделала все, чтобы предотвратить высылку Амиджада на его родину, в Пакистан: подтвердила отцовство, дала ему право на совместное воспитание маленького Самира. В конце концов, он получил от властей временное право на проживание в Германии.

А совместная жизнь не сложилась. Как говорит сама Лиля, отец ее ребенка часто пил, денег в семью не приносил. Рукоприкладство стало обычным явлением. Летом 2008 года, пьяный, он угрожал ее убить, выгнал с малышом из дома. Вернуться она смогла только через месяц.

Лиля обращалась в полицию, просила защиты. Показания в полиции записывали, но каждый раз прокуратура отклоняла ее жалобы по причине незначительности нанесенного ущерба.

Самые большие проблемы начались, когда они расстались. Отец не приходил к ребенку месяцами. Появлялся время от времени, предъявлял отцовские права. Эти визиты учащались, когда близилось время окончания разрешения на пребывание Амиджада в Германии. Ему было необходимо подтверждение того, что он участвует в воспитании ребенка. И он добился своего. Кассельское ведомство по делам молодежи предписало матери дважды в неделю приводить малыша на встречи с отцом.

Как-то поздней осенью, в ноябре, Лиля пришла за Самиром после его свидания с отцом. Мальчик, совсем замерзший, сидел в холодном помещении дядиного магазина и пил холодный сок. Рядом тепло одетые взрослые согревались чаем или кофе. Вечером у ребенка температура поднялась до +40С.

«Амиджад – абсолютно безответственный человек, — рассказывает Лиля. – Мне было страшно за Самира, но я не мешала этим встречам. Даже завела тетрадку, где отмечала каждую встречу. Тем не менее, Амиджад засыпал немецкие учреждения заявлениями о том, что я препятствую общению ребенка с ним. Однажды он прямо на улице при ребенке устроил скандал и избил меня. А потом заявил в полицию, что это я нанесла ему

телесные повреждения. И в свидетели позвал двух своих братьев.

Как указано в Постановлении от 22 марта 2010 года, суд опирался на параграф 1684 BGB, согласно которому наивысшее благо для ребенка – быть воспитываемым обоими родителями. Тот из родителей, кто не в состоянии преодолеть личные обиды и предоставить партнеру возможности для участия в воспитании ребенка, признается неспособным воспитывать ребенка и лишается родительских прав. Именно такой матерью и была признана Лилия Ванзидлер.

Прошедший тюрьму за нелегальное проживание в Германии, разбивший в нетрезвом состоянии автомобиль, человек с не совсем достоверными документами и достаточно неясным прошлым, отец ребенка был признан достойным, чтобы воспитывать мальчика.

О деле Лилии Ванзидлер проинформирован уполномоченный по делам ребенка при президенте России, а также президент Татарстана. В поисках юридической помощи она обратилась в татарскую общину Германии. Руководительница этой общины Венера Вагизова была первой, кто проявил горячий искренний интерес к судьбе Лили и маленького Самира. Это с ее подачи Лилия Ванзидлер обратилась в Кельнское отделение Правозащитного Союза Германии. Сегодня это единственная организация, которая активно помогает ей в борьбе за сына.

Руководитель Кельнского отделения ПСГ Гарри Мурей сказал, что ссылка на параграф 1684 BGB совершенно недостаточна, чтобы лишить мать родительских прав, и что такие действия без существенных аргументов совершенно недопустимы по немецким законам. Кроме того, Лилии Ванзидлер не был предоставлен переводчик, хотя для лиц с таким статусом, как у нее, это предусмотрено. Кроме того, добавил Гарри Мурей, Правозащитный Союз Германии провел соответствующий поиск и в настоящее время располагает неопровержимыми документами, что отец мальчика – лицо, никак не заслуживающее доверия. Все эти аргументы Гарри Мурей и представит в кассационном суде, защищая интересы Лилии Ванзидлер, матери маленького Самира.

Сегодня Лиля не одинока в своей борьбе за сына. Ее адвокат Амина Кракке делает все возможное, чтобы помочь своей подзащитной. Однако напряжение, в котором живет Лиля, невероятно. Дороже Самира у нее нет никого. А последствия предстоящего суда могут стать необратимыми!

Поневоле напрашивается вопрос: в чем на самом деле виновата эта женщина? Точнее, не виновата, но заранее как бы подозрительна для немецких учреждений и судебных органов.

В частных беседах некоторые чиновники советуют ей закрыть глаза на несоответствия в документах отца ее ребенка. К ее аргументам в суде не прислушиваются. Она как будто оказалась за гранью того, что называется немецким правосудием. У нее растет живой любознательный сын, который в свои пять лет говорит по-немецки, по-русски и по-татарски и уже читает по слогам. Причем, мальчик растет в атмосфере любви и заботы – это видно по нему. Есть много возможностей наладить его контакты с отцом, если это необходимо. Практика ведомств по делам детей и молодежи по всей Германии весьма богата подобным опытом.

А может быть, все дело в том, что она приехала из далекой и подозрительной для местных чиновников России? Но это уж никак не согласуется с постулатами о справедливости и «благе ребенка».

Клавдия Ротманова